

Федеральное агентство по образованию

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТУРИЗМА И КУРОРТНОГО ДЕЛА

РУССКАЯ СТАРИНА

№ 1

2010

Русская старина. 2010. № 1 (1)
Издается 2 раза в год.

Редакционная коллегия:
Д.и.н., профессор А.А. Черкасов (глав. ред.),
К.и.н., доцент В.Г. Иванцов,
Д.и.н. Е.Ф. Кринко,
К.и.н., доцент О.В. Натолочная

Подписано в печать 23.04.2010 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд.л. 2,3. Усл. печ. л. 2,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 1.

Редактор, корректор
Н.Ш. Сайфутдинова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

Учредитель и издатель – ИП Кочкешев Ю.К.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
Об основателе журнала	5
Статьи и сообщения	
Караханян Н.Ю., Клушина И.В. БИЗНЕС-ЛЕДИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЫБОР ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ	7
Коняхина А.Г. ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ В МЕНТАЛЬНОМ ОБЛИКЕ ЖИТЕЛЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	11
Кринко Е.Ф., Сатцаева В.Х. ДЕЛО ОБ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ С ОККУПАНТАМИ», ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА	14
Лысенко Е.Г. МАРГИНАЛЬНОСТЬ В ТЕЗАУРУСЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ	17
Осутин А.И. МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВАРВАРИЗАЦИИ РИМСКОЙ АРМИИ IV—V ВЕКОВ	21
Зайцев А.М. ИСТОРИЯ РАЗВЕДКИ, КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	25

От редактора

Ровно 140 лет назад (1 января 1870 года) русская периодическая печать пополнилась новым изданием – ежемесячным историческим журналом «Русская старина».

В предисловии к первому номеру за 1870 год Редактор «Русской старины писал»: «В последние десять лет литература отечественной истории значительно обогатилась отдельными исследованиями, записками и сборниками материалов, появившимися в разных повременных изданиях. Наше общество все с большим и большим сочувствием относится к серьезной и всесторонней разработке отечественной истории и истории русской литературы и повременные издания - специально посвященные этим задачам, - также сборники материалов к ним относящиеся и вообще исторические исследования и статьи составляют чтение наиболее интересующее общество.

Это явление совершенно понятно.

В настоящее время русское общество, оживленное духом всесторонних улучшений его быта, начало быстро развиваться по пути народного самосознания. Изучение родной истории и преимущественно новейшего времени, основанное не на личных взглядах того или другого писателя, но на подлинных исторических документах, всего более может способствовать этому развитию...» [1].

Журнал издавался более 45 лет и в 1918 году, как и многие другие российские журналы, был закрыт. В 2010 году инициативной группой российских ученых-историков (под руководством доктора исторических наук, профессора А.А. Черкасова) была создана редакция возрожденного журнала «Русская старина». В планах новой редакции выпускать по два номера журнала ежегодно.

Об издании «Русской старины». // Русская старина. 1870. № 1. С. 1.

Об основателе журнала

Михаил Иванович Семевский родился 4(16) января 1837 г. в с. Федорцево Великолукского уезда Псковской губернии. Из дворянского рода Семевских.

Окончил Константиновский кадетский корпус (1855). До 1861 на военной службе (служил офицером в лейб-гвардии Павловском полку), в 1857 поступил репетитором в 1-й кадетский корпус. В 1861–1862 годах преподавал в Смольном институте благородных девиц. Затем служил в государственной канцелярии, по Главному комитету об устройстве сельского состояния, до самого закрытия комитета (1882). Участвовал в городском самоуправлении Петербурга. С 1877 гласный Петербургской городской думы, а в 1883–1885 гг. и товарищ городского головы. Особенно много труда он посвятил городской училищной комиссии, членом которой состоял.

Значительную роль в русской науке и культуре Семевский сыграл как издатель (с 1870 до конца жизни) крупнейшего исторического журнала «Русская старина», в основном посвящённого XVIII веку. Из-за служебных соображений Семевский до 1877 г. не выступал в качестве официального редактора журнала, которым числился его родственник, Василий Арсеньевич Семевский; но в действительности он был полным, самостоятельным хозяином журнала. М. И. Семевский не только активно участвовал в нём собственными материалами, но и активно стимулировал розыск в частных архивах интересных документов, а также советовал свидетелям эпохи писать воспоминания. Был членом Археографической комиссии и почетным членом Археологического института. Предпринимал путешествия по России с научной целью, знакомился с учеными архивными комиссиями, осмотрел богатый се-

мейный архив кн. Куракина в Саратовской губ., с важными документами, относящимися к истории XVIII в. Результатом ознакомления Семевского с этим архивом было предпринятое кн. Ф. А. Куракиным издание «Архив кн. Куракина», первые тома которого вышли под редакцией Семевского. На основании открытых в куракинском архиве новых материалов, преимущественно по истории Петра Великого, Семевский прочел ряд публичных лекций о Петре Великом, в 1890—1891 гг.

Впервые опубликовал мемуары А. Т. Болотова (1870), Я. П. Шаховского (1872), Эрнста Миниха, сына фельдмаршала (1891), а также мемуары и письма декабристов.

Скончался 9 (21) марта 1892 года в Кронштадте.

Редакция

Статьи и сообщения

**БИЗНЕС-ЛЕДИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
ВЫБОР ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ**

Караханян Н.Ю., Клушина И.В.

Российский государственный социальный университет, филиал в г. Майкоп,
Россия

Аннотация. В статье рассматриваются причины и мотивы выбора жизненной стратегии бизнес-леди в условиях современного российского общества.

Ключевые слова: бизнес-леди, мотив, российское общество.

Феномен деловой женщины стал неотъемлемой частью жизни современной России. По данным Ассоциации женщин-предпринимателей России, на долю женщин приходится около 30 % руководящих постов в производственной и социальной сферах. Российские женщины все чаще становятся предпринимателями, все больше проникают в традиционные сферы мужской деятельности (бизнес, политику, управление, рекламно-издательское дело, финансы, СМИ). Средства массовой информации способствуют формированию образа деловой женщины, преподносят его как новый социальный идеал. При этом образ успешной женщины в сфере бизнеса сводится, как правило, к властной, сильной, независимой женщине, которая четко представляет свою жизненную стратегию и все делает для того, чтобы ее реализовать. Однако и средства массовой информации, и общество недостаточно представляют себе те трудности, с которыми сталкивается деловая женщина в российском обществе.

Несмотря на имеющиеся социологические, гендерные исследования участия женщин в предпринимательской деятельности, данная проблема не потеряла своей научной значимости.

Целью данного исследования является выявление положения женщин в бизнесе, мотивов, определяющих выбор их жизненной стратегии, а также существующих в современном российском обществе укоренившихся стереотипов о бизнес-леди.

В первую очередь обратимся к определению в целом положения и роли женщин в России. Привычное представление о том, что главное место женщины у домашнего очага в заботах о детях трансформировалось. Исследо-

вания последних лет показывают, что треть женского населения страны однозначно ставит на первое место в жизни работу и карьеру, а не материнство [1]. По сравнению с 2003 г. деловая, материально независимая дама стала вдвое популярнее хранительницы домашнего уюта. Подобную перемену настроений объясняют тем, что механизмы социальной защиты, которые существовали в Советском Союзе, при всей их неэффективности позволяли женщинам быть просто матерями и иметь гарантию выживания. Сейчас, в условиях рынка, редкая женщина может позволить себе не работать, а совмещать работу и семью получается далеко не у всех. В результате значительная доля женщин вынуждена выбирать работу и материальный достаток. Одним из следствий такого выбора является падение рождаемости.

Современное общество расширило возможности россиянок добиться делового успеха, многие из них поняли, что им это по силам. В то же российские мужчины в большинстве своем смотрят на перспективы женщин в бизнесе скептически: лишь 13 % согласились с тем, что женщине сегодня нужно, прежде всего, быть «деловой» (среди женщин — сторонников такой точки зрения — оказалось в три раза больше) [2]. Скорее всего, такой низкий показатель среди мужчин продиктован еще актуальным стереотипом о том, что бизнес — сугубо мужское дело. Однако многочисленные исследования в данной области показали — современная рыночная экономика более не нуждается в преимущественно напористом, силовом, даже несколько агрессивном «мужском подходе» к решению бизнес-задач. Предпочтительнее оказывается гибкий, взвешенный, креативный «женский подход», не лишенный, кстати, амбиций и желания добиться максимального успеха.

Интенсивное вовлечение женщин в предпринимательскую деятельность накладывает явный отпечаток и на семейную жизнь. Большинство деловых женщин считают себя лидерами в супружестве. В то же время почти половина из таких женщин ощущают потребность быть настоящей женщиной — слабой, незащищенной, чувствительной. Конечно, подобные «домостроевские» эмоциональные настроения не всегда эффективны при деловых отношениях, особенно с мужчинами, которые чутко улавливают момент, когда женщина готова уступить в бизнесе, и пользуются этим. Мужчины, зачастую более свободно ориентируясь в вопросах деловых отношений, чаще прибегают к интенсивной экспансии и даже авантюрам, которые, впрочем, могут привести к краху предприятия или фирмы. Такая ситуация предъявляет к женщине повышенные требования: оставаясь женщиной, проявлять деловые, «мужские» качества.

Особенно заметен интерес женщин к участию в предпринимательской деятельности среди молодежи. Не случайно опросы показывают, что около 20 % девушек в возрасте от 16 до 19 лет считают, что они в состоянии открыть собственное дело [3]. При этом сохраняется стереотип, что женщина сама в состоянии добиться успехов, без поддержки состоятельного покровителя или родителей. Причем недоверие это ощущается как со стороны мужчин, так и женщин. Общественное мнение формирует предвзятое, искаженное восприятие данной категории женщин, которые встречаются зачастую не-

адекватное к себе отношение в виде зависти, сомнений в их способностях, злой иронии и ожидания их полного краха.

В декабре 2006 г. в г. Белореченске нами проводился социологический опрос женщин, занимающихся предпринимательской деятельностью [4]. Результаты опроса подтвердили итоги общероссийских исследований, в частности, в сфере мотивации женщин, выбирающих бизнес. Опрос показал, что 45 % респондентов главным мотивом выбора их жизненной стратегии определили «стремление к достижению материального благополучия», другие 45 % рассматривают свою деятельность как самый быстрый способ обретения независимости. Наконец, оставшиеся 10 % респондентов считают бизнес той сферой, где они могут максимально проявить свои способности, определяют для себя предпринимательскую деятельность как наиболее интересный и привлекательный.

Таким образом, вступая в эту сферу деятельности, подавляющее количество женщин руководствовались необходимостью обрести стабильный источник дохода и личностную независимость, получаемую через финансовую свободу. Также бизнес позволил этим женщинам мобилизовать все свои внутренние ресурсы: имеющуюся энергию, талант, способности — и направить в нужное русло ради достижения своих целей. Вероятно, именно поэтому 75 % опрошенных сказали, что ничего не хотят менять в своей жизни.

Также проведенный опрос позволил выяснить, что 95 % респондентов испытывают трудности относительно бытовых тягот. Если провести сравнительный анализ положения деловых женщин в США и в России, то окажется, что и у наших, и у западных женщин возникла проблема совмещения ролей «дом-работа». Проблема эта ощущается одинаково остро, но проявляется по-разному, т.к. материально-бытовые условия большинства наших женщин несопоставимы с условиями большинства американок, а службы сервиса в Америке помогают решать данную проблему более эффективно [5].

Таким образом, общим и для российских, и для американских женщин является активное участие в сфере экономики и выход за пределы «внутренней» домашней сферы во «внешнюю», когда женщины делят роль «добытчика» наравне с мужчинами. Однако для современных российских женщин необходимость этой роли проступает гораздо четче, явственнее, т.к. большинство российских семей нуждаются в заработках обоих супругов. В то же время мужские роли не изменились так сильно, как женские: мужчины не включились в домашние дела так активно, как женщины в работу, что вылилось для женщин в проблему совмещения ролей, ограничивающую возможность их профессионального роста. Современное развитие российского общества демонстрируют большую эмоциональную устойчивость, в некоторой степени превосходство женщин в их способности адаптироваться к стремительным изменениям, готовности бороться за достойное существование своей семьи. В этой ситуации мужчины должны изменить себя, если они не хотят оказаться в роли аутсайдеров.

Примечания:

1. **Всероссийский опрос «Ромир мониторинг» [Электронный ресурс].** Режим доступа: <http://www.izvestia.ru> // Известия. 2005. № 3.
2. Там же.
3. **Бабаева Л., Чирикова А. Женщины в бизнесе // Социс. 1996. № 3. С. 75–80.**
4. Опрос проводился при помощи метода анкетирования, объем выборки — 30 чел.
5. **Бондаренко Л.Ю. Мир, в котором мы живем. Ролевые сходства и различия между российскими и американскими женщинами // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 184–188.**

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ В МЕНТАЛЬНОМ ОБЛИКЕ ЖИТЕЛЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Коняхина А.Г.

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская 26а

Аннотация. В статье рассмотрен феномен глобализации в ментальном облике жителя постиндустриального общества.

Ключевые слова: глобализация, ментальный облик, житель постиндустриального общества.

Глобализация и ставшие популярными после 2001 г. антиглобалистские концепции определяют двойственность и противоречивость современного мышления жителей развитых стран. Во второй половине XX в. глобализм воспринимался большинством думающей западной общественности как благо, как возможность распространения идей государства благоденствия на весь мир, однако к началу XXI в. большая часть исследователей этого феномена выявила значительное количество негативных элементов в восприятии глобализации жителем постиндустриального общества:

- Появление в ходе глобализации мирового рынка финансово-экономических властных трансконтинентальных структур, более мощных, чем любые национальные и международные политические институты власти, вводит жителя постиндустриального общества в область так называемой «субполитики», не укрепляющей жизнь по принципам демократии, а возрождающей жизнь по принципам рынка и дающей возможность управлять целым государством, его политикой, культурой, людьми как простым предприятием.

- Заметное перераспределение доходов предприятий, полученных от экономического роста 1990-х гг., в сторону 2–10 % богатейшего населения сохраняет, а в ряде стран увеличивает число бедных, безработных и нуждающихся в государственной помощи. Так, по данным Форбс, состояние 475 миллиардеров к концу XX в. превосходило доход половины мирового населения, а общее состояние 3-х богатейших людей на планете превышало общий ВВП 48 наименее развитых стран. Появление мегамиллиардеров уничтожает идею равенства, делает приемлемым противостояние беднейших и богатейших социальных слоев управленческому аппарату и традициям буржуазного государства, и тем самым подрывает концепции государства благоденствия.

- Глобальность связей уничтожила возможность замкнутого существования стран, сделав взаимовлияние культур и традиций неотъемлемой частью современной жизни. В этом состязании культур побеждают наиболее прими-

тивные и агрессивные в силу простоты распространения их образов с помощью СМИ и рекламы. Для жителя постиндустриального общества речь в этом случае идет не столько о потере национальной идентичности, сколько об общем отказе от традиционной культуры, истории, ментальных традиций восприятия окружающего мира, об их замене более простыми, разработанными для шоу-рекламы стереотипными представлениями.

- Глобализация, несмотря на изначальное стремление создать благоденствие в планетарных масштабах, обеспечивает высокий уровень жизни лишь так называемому «золотому миллиарду». Так, высшей страте мирового населения (20 %) на рубеже XX—XXI вв. принадлежит 86 % мирового ВВП, 68 % иностранных прямых инвестиций, низшей страте — по 1 %. Всемирный валовый продукт (по данным ООН) вырос за 1950—2000 гг. с 3 до 30 трлн дол., но на долю развивающихся стран приходилось в конце 1990-х гг. только 15,8 %. Ежегодный доход 10 % богатейшего населения развитых стран составляет в начале XXI в. 38 тыс. дол., доход 85 % населения планеты не превышает 3 тыс. дол. в год. Это неравенство в условиях глобализации не воспринимается явлением, требующим скорейшего преобразования, владельцы капиталов не испытывают желаний перераспределить их в бедные регионы. Частные инвестиции в развивающиеся страны, доли помощи развитых стран регионам, нуждающимся в помощи ради выживания, регулярно, на протяжении 1980—2000-х гг. сокращались. То есть глобализация «осветила» богатство «золотого миллиарда», сформировала страх бедности, определила постоянное стремление к увеличению состояния и замкнутость, агрессивное неприятие всех образов, не соответствующих миллиардному образу жизни.

- Мощная информационная и коммуникационно-технологическая революция эпохи глобализации обладает возможностью не просто распространять знания, но формировать мировоззренческую картину, образцы поведения, психолого-социальные стереотипы восприятия людей, стран, регионов и распространять западный (точнее американский) образ жизни по всему миру. Так, например, мировая информационная паутина на 80 % работает на английском языке, и 91 % ее пользователей живут в развитых государствах. В результате все регионы мира получают возможность наблюдать за жизнью единственной интересной для СМИ цивилизации — западной постиндустриальной. Подавая рекламный, идеализированный образ жизни постиндустриальной цивилизации, СМИ не только определяют составляющие успеха, но и возбуждают зависть и ненависть как у жителей бедных регионов мира, так и у целого ряда социальных групп и индивидумов развитых государств. При условии того, что постиндустриальная цивилизация выявила расхождение биоэволюции и техноэволюции в ходе своей истории, применение ее методик развития для всей планеты в ходе глобализации, — неприемлемый и опасный вариант. Осознание ошибочности своего варианта развития формирует в ментальности жителя постиндустриального общества глубокий комплекс неполноценности, компенсирующийся уходом от реальности в область финансовых и виртуальных игр, принятием концепций либертаризма, идеи недеяния в силу прогнозируемого отсутствия результатов любой дея-

тельности.

- Глобализация обуславливает также накопление негативных тенденций систем социального обеспечения, работающих на пределе во всех государствах постиндустриализма, поскольку беднейшее население всего мира в условиях глобальной миграции оседает именно в богатейших странах. Таким образом, необходимое расширение социальной помощи ежегодно утяжеляет жизнь среднего класса постиндустриального общества.

- Индивидуальное мышление в эпоху глобализации не несет былого цивилизационного значения, поскольку все важные для постиндустриальных государств решения принимаются в коллективном объединении владельцев крупнейших состояний (руководителей банков, бирж, ТНК, инновационных групп, деятелей малого бизнеса, представителей исполнительной власти) — так называемой «техноструктуре». Именно она превращает накопленные знания в денежные потоки, формируя интеллектуальную собственность, работающую в виде электронных денег на биржах мира. В эпоху глобализации только человек, владеющий финансами, владеет информацией, и, соответственно, чем менее компьютеризованна страна, тем она беднее. В условиях постоянного технологического прогресса процесс обеднения стран с низким уровнем технического оснащения становится необратимым. Таким образом, глобализация ведет к глобальному переделу интеллектуальной собственности в пользу богатейших стран, регионов, людей и подмене понятий интеллектуальное развитие и крупный капитал.

Выделенные негативные последствия глобализации стали к концу XX в. неотъемлемыми элементами мировоззренческой картины человека постиндустриального общества. В менталитете жителя развитого Запада, таким образом, усилились и развились черты, традиционно признаваемые психологами разрушительными и регрессивными: единообразие и упрощенность мышления, агрессия, недеяние, ксенофобия, замкнутость, ощущение неполноценности и неудовлетворенности своей жизнью. В условиях ставшего реальным после сентября 2001 г. столкновения цивилизаций новые черты менталитета становятся чрезвычайно опасными для существования постиндустриального общества.

ДЕЛО ОБ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ С ОККУПАНТАМИ», ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Кринко Е.Ф., Сатцаева В.Х.

Российский государственный социальный университет, филиал в г. Майкоп,
Россия

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассматривается уголовное дело об «экономической связи с оккупантами» в годы Великой отечественной войны.

Ключевые слова: уголовное дело, связь с оккупантами, Великая отечественная война.

Одним из драматических последствий немецкой оккупации советских территорий в годы Великой Отечественной войны стали многочисленные судебные процессы над лицами, сотрудничавшими в той или иной форме с противником. По результатам оперативно-следственной работы Управления НКГБ Краснодарского края только с 12 февраля по 1 августа 1943 г. было арестовано 13495 чел. Основная масса подозреваемых в коллаборационизме оказалась под арестом в феврале — апреле 1943 г. Так, 29 апреля по результатам доклада краевого прокурора П.Я. Апенина и представителей военной прокуратуры первый секретарь Краснодарского края П.И. Селезнев записал в своем дневнике: «Арестованных 13315, закончено 4500. К 1 июня следствие закончат. 3000 осужденных уже есть (542 ВМН). Наряд на вывоз 1000 осужденных есть. Остаток в трибуналах 1712 дел. Работает 16 сессий трибуналов — надо увеличить» [1].

С середины мая 1943 г. военно-полевые суды дивизий Северо-Кавказского фронта перешли к систематическому рассмотрению дел карателей, предателей и изменников Родины [2]. Наряду с теми советскими гражданами, которые действительно участвовали в массовых казнях, достаточно значительным было и количество тех, кто привлекался к ответственности по обвинению в экономическом пособничестве противнику. Фонды местных архивов содержат значительное количество подобных дел, однако, в отличие от материалов судебных процессов над известными коллаборационистами (например, генералом А.А. Власовым), они в большинстве случаев все еще остаются за пределами внимания исследователей.

В настоящем исследовании рассматривается одно конкретное уголовное дело, расследовавшееся в Майкопе в 1943 г. и позволяющее оценить особенности судебной практики военного времени. Предметом разбирательства стало открытие в городе маслозавода, поставлявшего продукцию войскам вермахта. Из материалов дела следовало, что Иван Петрович Яб-

лочкин, совместно с братьями Николаем и Иваном Николаевичами Хорошиловыми, как «специалистами маслобойного дела», во время немецкой оккупации Майкопа договорились об организации «кустарного типа частного производства по перебою маслосемян». Но, столкнувшись с финансовыми и техническими проблемами, вынуждены были обратиться к Мефодию Нестеровичу Лаврушко, работавшему в артели «Пищепродукт» в качестве заведующего производством. Во время оккупации он объявил себя собственником халвичного цеха артели «Пищепродукт», ссылаясь на то, что халвичное производство в прошлом принадлежало ему и «было конфисковано советскими властями» в 1929 г. [3].

После переоборудования халвичного цеха под маслобойное производство городская управа передала его в ведение немецких военных властей для обеспечения интересов оккупационных войск. Для руководства цехом был прислан немецкий шеф, а М.Н. Лаврушко, как хозяин производства, стал его первым помощником, в обязанности которого входила «механизация производства для наилучшей производительности». Вскоре между М.Н. Лаврушко, И.П. Яблочкиным, И.Н. и Н.Н. Хорошиловыми начались «трения и споры по поводу производства, налаженного, вопреки ожиданиям, для обеспечения оккупантов». Следствие установило, что братья Хорошиловы, «порвав всякую экономическую связь» с оккупантами, ушли с производства. Выступая в качестве свидетелей, они подтвердили «экономическую связь с оккупантами» и указали, что М.Н. Лаврушко, эксплуатируя рабочую силу, «извлекал нетрудовые доходы», как и И.П. Яблочкин, который «физически не работал, а имел нетрудовой заработок» [4].

8 февраля лейтенант милиции сочинского отдела Родионов вынес постановление об избрании меры пресечения к гражданам М.Н. Лаврушко и И.П. Яблочкину в связи с обвинением их в совершении преступления, предусмотренного статьей 58-3 Уголовного кодекса РСФСР, — в пособничестве и экономической поддержке противника в момент оккупации Майкопа немецкими войсками. В качестве меры пресечения он постановил избрать их содержание под стражей в тюрьме Управления НКВД по Адыгейской автономной области [5].

В обвинительном заключении, подготовленном в марте 1943 г., говорилось о привлечении к суду военного трибунала М.Н. Лаврушко и И.П. Яблочкина за совершение преступления, предусмотренного ст. 58-1а Уголовного Кодекса РСФСР «как предателей Родины» [6]. Однако 26 марта 1943 г. в отношении И. П. Яблочкина была изменена мера пресечения «в связи с окончанием следственных действий и на основании того», что его нахождение на свободе «дальнейшему ходу влиять не будет» [7]. В постановлении содержатся также указание на семейное положение И.П. Яблочкина и наличие у него постоянного места жительства.

В соответствии с судебной практикой военного времени дела коллаборационистов рассматривались не в судах общей юрисдикции, а в военных трибуналах. 22 апреля областной прокурор И.С. Срибный направил дело по обвинению М.Н. Лаврушко военному трибуналу майкопского гарнизона для

его рассмотрения в судебном заседании. 30 апреля Управлением НКВД ААО вновь был арестован И.П. Яблочкин. Основанием явилось подозрение в его причастности к «предательству советских граждан и связи с немецкими карательными органами». Тем не менее проведение дальнейших следственных действий и показания свидетелей позволило установить, что И. П. Яблочкин никакой связи с немецкими карательными органами не имел, «наоборот, помогал скрываться от преследования немецких властей и поддерживал материально семью партизана Кравченко» [8]. В силу недоказанности факта предательства И.П. Яблочкина постановлением от 25 июля 1943 г. следственное дело по его обвинению было прекращено и передано в архив УНКГБ ААО.

В отношении М.Н. Лаврушко военный трибунал майкопского гарнизона 5 июня 1943 г. вынес приговор, признав подсудимого виновным «в измене Родине тем, что под его руководством был восстановлен для немецкой оккупации маслозавод и работал на том заводе заместителем немецкого шефа, и до этого старостой товарищества». На основании ст. 319–320 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР М.Н. Лаврушко был приговорен к лишению свободы в исправительные трудовые лагеря сроком на 7 лет с поражением в правах на 3 года и конфискацией лично принадлежавшего ему имущества [9].

Таков был итог дела, обращение к материалам которого позволяет дополнить картину экономической политики оккупантов и состояния производства на захваченной территории, осмыслить причины сотрудничества советских граждан с противником и их последующие судьбы. К сожалению, проследить дальнейшую судьбу фигурантов дела не удалось, но можно предположить, что даже счастливо избежавший приговора в 1943 г. И.П. Яблочкин, скорее всего, подвергся определенной дискриминации не только за «экономическое пособничество», но и за сам факт пребывания на оккупированной территории.

Примечания:

1. *Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Кн. 2. Ч. 1 / Хроника событий. 1943 год. Краснодар, 1943. С. 420.*

2. Там же.

3. *Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея». Ф. Р-569. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.*

4. Там же. Л. 5–5об.

5. Там же. Л. 1, 2.

6. *Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея». Ф. Р-569. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.*

7. Там же. Л. 3.

8. Там же. Л. 16.

9. Там же. Л. 12.

МАРГИНАЛЬНОСТЬ В ТЕЗАУРУСЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Лысенко Е.Г.

Российский государственный социальный университет, филиал в г. Сочи,
Россия

Аннотация. В статье рассматривается маргинальность в тезаурусе социально-гуманитарных наук. Автором предпринимаются поиски идентичности.

Ключевые слова: маргинальность, социально-гуманитарные науки, идентичность.

Центром любой культуры является человек со всеми его жизненными потребностями и целями. Вследствие этого одно из важных мест в социальной действительности занимают вопросы освоения индивидом культурной среды, проблемы, связанные с достижением им высокого качества в процессе создания и восприятия культурных ценностей. Освоение культурных богатств прошлого выполняет интегрирующую функцию в жизнедеятельности каждого общества, гармонизирует бытие людей, пробуждает в них потребность в постижении мира как единого целого.

Социальное влияние культура приобретает, прежде всего, в организации совместной деятельности людей, и, следовательно, ее регулирование определенными правилами, аккумулированными в знаковых и символических системах, традициях. Взаимодействие разных культур, этнических и расовых меньшинств, социальных слоев в XX в. было ознаменовано появлением и развитием новых течений в общественных науках — социологии, исторической антропологии, исторической лингвистике, политологии, рассматривающих вопросы маргинальности.

Роберт Эзра Парк, впервые использовавший новый термин «маргинальность» в своем труде «Человеческая миграция и маргинальный человек» [1], вряд ли мог предположить многофункциональность и многомерность понятия. Подтвердив появление нового маргинального типа личности (от лат. *margo* — край), находящегося на грани двух различных, нередко конфликтующих между собой культур, он создал направление в социологии, разработанное и дополненное в дальнейшем рядом зарубежных исследователей — Э. Стоунквистом, Д. Головенски, А. Антоновски, М. Вудом, Р. Херикоми и российскими учеными — И.И. Кравченко, А.А. Галкиной, В.В. Радаевым, Е. Стариковым, В. Шапинским, А.Я. Гуревичем, Ю.Л. Бессмертным, Л.П. Репиной. В современной науке термин «маргинальность» стал использоваться в самых разных ее областях — истории, социологии, политологии, антропологии, фило-

софии, психологии. Исследователи пытаются разрабатывать концепцию маргинальности в соответствии с убеждениями, взглядами и принципами собственной науки. Этот процесс ведет к искажению родового понятия маргинальности, размытости его границ. Таким образом, «маргинальный человек» был найден не только среди представителей этнических войн 1920-х гг. Гавай и Южной Америки (Р.Э. Парк), но и в разных исторических эпохах, цивилизациях, культурах.

Используя профессиональный и сравнительный методы исследования, следует определить особенности применения термина «маргинальность» в современных социально-гуманитарных дисциплинах. Социология сохраняет девственные корни. Данное промежуточное понятие определяет состояние групп людей или личностей, поставленных общественным развитием на грань двух культур, участвующих во взаимодействии этих двух культур, но не примыкающих ни к одной из них. Обычно маргиналы и маргинальная культура возникают при миграциях, вступлении в межэтнические и межнациональные браки. Примерами служат этнические и расовые меньшинства [2]. Социология выделяет маргинальный психический тип личности, который наделяет творческим потенциалом, ведь люди этого типа становятся руководителями этнических групп, национальных движений, видными деятелями культуры. Следовательно, маргинальная личность — следующее звено в цепи социальной революции. Процесс глобализации неизменно приводит к смешиванию культур, рас, государств, создавая бесчисленное множество новых представителей социальной стратификации общества.

Гендерная антропология применяет термин по отношению ко многим типам социальной маргинальности — при описании положения национальных и сексуальных меньшинств, людей с ограниченными возможностями, женщин [3].

Культурология предлагает основные концепты маргинальности:

- инновации (согласие с целями общества, но отрицание социально одобренных способов их достижения);
- ритуализм (отрицание ценностей общества, но согласие использовать социально одобренные средства);
- ретритизм (одновременное отвержение и целей, и средств в обществе — бродяги, наркоманы);
- бунт (тотальное отрицание, ведущее к формированию новых целей, средств, новой идеологии).

Культурология предполагает, что маргинальность присуща также людям и группам, которые сознательно принимают для себя различные по характеру культурные традиции, нормы, модели поведения (этнические, конфессиональные) и отрицают необходимость следовать им в своей жизни — в ситуациях смешанных браков, миссионерства [4].

Однако не все дисциплины используют положительные критерии при толковании термина. Юриспруденция определяет маргинальность крайностью социально значимого поведения — попрошайничество, проституция, наркомания, алкоголизм и т.п. [5]. Политология предложила свой вариант ин-

терпретации латинского выражения «marginal» — «отщепенец» [6]. Менеджмент предполагает, что «маргинальность» — пребывание у низшего предела: почти убыточность — для предприятия, около черты бедности — для населения; понятие необходимо для определения предельных величин при анализе экономических явлений (предельной полезности, предельной производительности, предельной ликвидности).

Психология использует термин с конца XIX в., полагая, что он необходим для определения статуса личности, которая находится между двумя отчетливыми культурными группами и сталкивается с дилеммой, к какой из них присоединиться, культурные ценности и нормы какой из них принять. Считается, что жизнь на границе вызывает значительные эмоциональные конфликты [7]. У маргинальной личности не сформирована прочная, однозначная, согласованная система социальных идентичностей и ценностных ориентации, в силу чего, как предполагается, она испытывает когнитивные и эмоциональные проблемы, затруднения, *внутренний разлад*. А.В. Сухарев предложил понятие этнической маргинальности (рассогласование в системе отношений человека к элементам культуры, природной среды, «природы» человека, имеющим этническое значение), прилагаемое не только к отдельным личностям, но и к социальным группам. В первой половине XX в. психология изображала маргинала исключительно как ущербную и нуждающуюся в помощи психотерапевта или психиатра личность, однако впоследствии представила большое количество фактов из биографий выдающихся людей, показывающих, что маргинальность служит мощным стимулом развития личности и может быть сознательным принципом творческой личности [8].

Следовательно, хотя концепция маргинальности сыграла важную роль в истории науки, до сих пор не существует канонического определения этого термина. В практике использования самого термина сложилось несколько дисциплинарных подходов, что придает самому понятию общий, междисциплинарный характер. В процессе развития понятия утвердилось несколько значений, относящихся к различным типам маргинальности. Нечеткость, неопределенность понятия делает сложным измерение самого явления, его анализ в социальных процессах.

При изучении понятия маргинальности в исторических трудах отечественных и зарубежных исследователей XIX—XX вв. наиболее продуктивным, на наш взгляд, является совокупное определение окраинного положения личности. В процессе исследования толкования понятия «маргинальность» мы обнаружили, что исторические энциклопедии не располагают информацией о теоретических аспектах маргинальности, не содержат определения данного понятия как такового. Очевидно, историческая наука в целом, и ряд ученых, в частности, используют социальную маргинальность, заимствуя теоретические знания, признаки окраинного положения личности из социально-гуманитарных источников, обоснованно считая предложенные ими характеристики достаточными. Однако толкование этого термина должно быть исторически верным, идентичным и созвучным изучаемой исторической эпохе, сохраняя вместе с тем близость к оригинальному варианту,

предложенному Р. Парком в прошлом веке. Одновременно оно должно соответствовать современным критериям, предъявляемым к методологии и теории исторической науки. Подвергнув анализу тезаурус маргинальности в комплексе социально-гуманитарных наук, можно сделать некоторые предварительные выводы.

Маргинальность — понятие, традиционно используемое для определения и анализа пограничного положения личности, фиксирующее отклонения от нормы по отношению к какой-либо социальной общности, исторической эпохе, национальной, культурной, гендерной, религиозной группе, где доминирующая группа, игнорируя или исключая маргинальную группу, накладывает определенный отпечаток на психику и образ жизни ее членов.

Изучение истории, вариаций толкования, методологии терминов, необходимых при изучении проблемы маргинальности в западноевропейском средневековом обществе в исследованиях отечественных и зарубежных авторов XX — начала XXI вв. позволит систематизировать необходимые историографические работы, наиболее глубоко и полно раскрыть содержание теорий и взглядов ученых, исследующих окраинное положение человека в эпоху Средневековья.

Примечания:

1. Park R.E. Human migration and the marginal man // *American Journal of Sociology*. Chicago, 1928. Vol. 33. № 6. P. 881—893.
2. *Социологический словарь* / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1995.
3. <http://vocabulary.ru/word/99069>.
4. *Культурология. 20 век. Словарь*. М., 1997.
5. <http://vocabulary.ru/search>.
6. <http://azps.ru>.
7. *Оксфордский толковый словарь по психологии*. М., 2002.
8. *Большой психологический словарь*. М., 2004.

МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВАРВАРИЗАЦИИ РИМСКОЙ АРМИИ IV–V ВЕКОВ

Осутин А.И.

**Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская 26а**

Аннотация. Автор уделил внимание рассмотрению метода моделирования при изучении варваризации римской армии IV–V веков.

Ключевые слова: метод моделирования, варваризация, римская армия, IV–V века.

Как отмечает А.А. Аникеев [1], тенденция привлечения все больших объемов фактического материала и повышение информативной отдачи всех видов источников обуславливает необходимость автоматизации исторического исследования. Немало способствует этому быстрый рост производительности компьютеров за последние 30 лет и значительное увеличение доступности вычислительной техники.

Специфика компьютерной обработки исторических знаний требует внедрения новых методов исследования. Видимо, это обстоятельство послужило одной из причин достаточно широкого распространения математических методов в истории. Работы в этом направлении были начаты в 60-х гг. XX в. и значительное развитие получили в 80–90-е гг. [2]

Между тем различные методы, зародившиеся и получившие развитие в, так сказать, докомпьютерную эпоху историографии не только не потеряли своей актуальности, но даже наоборот, могут стать еще эффективней. К одним из таких методов, как представляется, относится метод моделирования.

Как отмечает Т.Н. Лукиных, «несмотря на то, что моделирование, как познавательный метод, имеет длительную историю, единого определения (понимания) модели, как, впрочем, многих определений в исторической информатике, не сформировалось» [3]. Как вариант, можно принять определение А.В. Бочарова, согласно которому модель — это объект, который в каком-то отношении сходен с другим объектом — оригиналом, является упрощением последнего и служит целям познания [4]. Соответственно, моделирование — это разрешение фундаментального противоречия между ограниченностью, конечностью познавательных возможностей разума и безграничностью, бесконечностью познаваемого мира путём упрощённости и приближённости моделей [5].

Метод моделирования использовался при изучении позднеимперского военного дела давно, хотя и не очень широко. Самым ярким примером, на наш взгляд, можно считать исследование Дельбрюком сражения при Адрианополе 9 августа 378 г. Рассчитывая маневры готов и римлян на театре во-

енных действий и определяя численность войск Дельбрюк опирается на данные сравнительно недавно прошедшей в той же местности русско-турецкой войны, в частности, похода генерала Дибича 1829 г., имевшего место в похожих погодных и территориальных условиях [6]. В этом случае поход Дибича, о котором у Дельбрюка было больше сведений, выступил в качестве модели похода готов.

Сами модели Бочаров делит на две категории: предметная материальная модель и знаковая информационная модель [7]. Первая категория широко используется, в частности, в археологии для реконструкции археологических артефактов. Знаковая абстрактная модель более подходит для исследования исторических процессов.

Как замечает Лукиных, метод моделирования вообще, несмотря на свою «модность», используется достаточно ограниченно, что обуславливается большой зависимостью результатов исследования от правильности формулировки исходных данных, а также тем, что различные факторы, влияющие на исторический процесс (такие, как общественные силы и психологические установки общественных деятелей), слабо поддаются формализации [8]. Между тем военная история, как представляется, находится в этом смысле в более выгодном положении, поскольку данные, которыми оперирует эта область исторического знания, как раз проще передать через математические понятия.

Пожалуй, самым важным понятием в теории военного искусства является численность войск и соотношение сил [9]. Клаузевиц, например, называет численное превосходство наиболее общим принципом победы как в тактике, так и в стратегии [10] (тут уместно вспомнить изречение Наполеона: «Бог сражается на той стороне, у которой больше войск»). А между тем этот основополагающий фактор даже не нужно преобразовывать в математический вид, поскольку он сам по себе представлен в виде числа.

Сложность использования математических методов в военной истории связана, в первую очередь, с тем, что численность войск, при всей ее важности, не является единственным критерием, определяющим ход исторического процесса. Значительную роль может играть качество войск, под которым можно понимать вооруженность, боевой опыт, обученность, и т.п. Эти параметры уже сложнее передать цифрами. Еще сложнее выразить математически моральное состояние. В конце концов, решающими могут оказаться способности военачальника. К примеру, моделирование битвы при Каннах с учетом только качества и количества войск даст бесспорную победу римлянам, хотя, как известно, ситуация сложилась прямо противоположным образом благодаря военному гению Ганнибала.

Все эти факторы, однако, несколько теряют значение при увеличении масштаба исследования. В одной конкретно взятой операции решающим фактором может оказаться все, что угодно. Например, удачно развивавшийся поход Юлиана против персов был в связи со смертью последнего обращен почти в поражение римлян. Но при увеличении количества обрабатываемых данных на первый план выступают все-таки качество и количество

войск. То есть, если брать средний показатель, например, за IV в., то можно сделать вывод, что какое-то количество германцев было обычно равно по эффективности какому-то количеству римлян. В дальнейшем этот вывод можно использовать.

Интересно сравнить полученные результаты с выводами, сделанными с использованием других методов. Так, например, Дельбрюк полагает римлян и германцев примерно равными по силам при одинаковом количестве войск. Объясняет он это тем, что дисциплина и обученность легионеров в I в. до н. э. — III в. н. э. компенсировалась агрессивностью, спайкой и физической развитостью германцев. Далее он делает вывод, что со снижением уровня подготовки легионов, начиная с конца III в., германцы получили перевес, что в итоге во многом определило завоевание ими империи [11].

Бочаров отмечает, что важнейшим преимуществом использования знаковой информационной модели является возможность управления ею и многократного воздействия на нее [12]. Это дает возможность историку использовать метод эксперимента, редко использующийся в историографии в силу специфики объекта исторического знания, однако весьма распространенный в других науках.

Кроме того, метод моделирования очень удобен для компьютеризации исследования. Лукиных замечает, что отсутствие в России специальных программных средств оказывает большое отрицательное влияние на распространение методов компьютерного моделирования [13]. Между тем такие программные средства существуют [14].

Вообще алгоритмы подобного моделирования уже давно используются военными в штабных играх и учениях. С их помощью пытаются смоделировать будущее, что, на наш взгляд, не мешает использовать их для моделирования прошлого. Историки находятся даже в более выгодном положении, поскольку военные не могут опробовать на практике свои модели (например, в случае с имитацией хода ядерной войны), а в случае с историческим исследованием есть возможность проверить модели на хорошо изученных событиях (например, на сражениях при Адрианополе и Аргенторате, которым посвящено большое количество исследований и которые достаточно хорошо освещены в источниках), чтоб потом применять для изучения слабо разработанных событий.

В целях командно-штабных игр разработаны программные средства для моделирования военной обстановки, но есть сложности в их использовании, поскольку, во-первых, проблему составляет повышенная секретность таких программ, во-вторых, они разработаны для современной войны, которая значительно отличается по характеру от войн доогнестрельного периода. Вполне очевидно, что программа для моделирования современного боя с участием артиллерии, танков и авиации не подходит для изучения сражения при Адрианополе. Однако поскольку смысл войны остается неизменным [15], то основные алгоритмы построения таких моделей можно использовать при получении исторических знаний.

Еще один разряд программных продуктов, которые, как нам кажется, можно использовать для компьютерного моделирования исторических процессов — это, как это ни необычно звучит, компьютерные игры из разряда исторических симуляторов. На изменение отношения к компьютерным играм может повлиять тот факт, что после терактов 11 сентября всерьез рассматривалась версия, что пилоты-террористы обучались управлению Боингом на авиасимуляторе Microsoft Flight Simulator. Кроме того, производители игр зачастую проверяют свои алгоритмы на известных исторических фактах.

Как мы видим, метод моделирования может дать хорошие результаты, особенно сейчас, когда математические методы в истории и компьютерная обработка исторических материалов получают все большее распространение. Использование этого метода при изучении варваризации римской армии играет особенную роль, поскольку ввиду малого количества информации другие методы при изучении ряда вопросов могут быть недостаточно эффективны.

Примечания:

1. Аникеев А.А. Методология классической историографии. Ставрополь, 2005. С. 33.
2. Аникеев А.А. Указ. соч. С. 34—35.
3. Лукиных Т.Н. Историография клиометрики,
http://edu.tsu.ru/historynet/informatika/posobia/istgf_kleo/model.htm
4. Бочаров А.В. Алгоритмы использования основных научных методов в конкретно-историческом исследовании. Томск, 2007. С. 107.
5. Там же.
6. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1994. Т. 2. С. 203.
7. Бочаров А.В. Указ. соч. С. 107.
8. Лукиных Т.Н. Историография клиометрики,
http://edu.tsu.ru/historynet/informatika/posobia/istgf_kleo/model.htm
9. Мокроусов С.А., Митюков Н.В. К определению эффективной численности войск // Военная история: если бы... Ч. 1. Математические методы в исторических исследованиях. Екатеринбург-Ижевск, 2006. С. 47.
10. Клаузевиц К. О войне. М., 1936. С. 210.
11. Там же. С. 183.
12. Бочаров А.В. Алгоритмы использования основных научных методов в конкретно-историческом исследовании. Томск, 2007. С. 108.
13. Лукиных Т.Н. Историография клиометрики,
http://edu.tsu.ru/historynet/informatika/posobia/istgf_kleo/model.htm
14. Программа моделирования сухопутного боя / Н.В. Митюков, Р.А. Юртиков, С.А. Мокроусов, Н.А. Даньшин // Военная история: если бы.... Ч. 1. Математические методы в исторических исследованиях. Екатеринбург-Ижевск, 2006. С. 171.
15. Клаузевиц К. О войне, М., 1936. С. 33.

ИСТОРИЯ РАЗВЕДКИ, КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Зайцев А.М.

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская 26а

Аннотация. В обзорной статье рассматривается история и эффективность российской разведки от периода Киевской Руси до царствования императора Николая II.

Ключевые слова: история разведки, Россия.

Сбор сведений о соседних странах и народах, т.е. разведка – древнейшая и важнейшая часть деятельности любого государства, его государственного механизма. Она нередко решала судьбы «царств» и их правителей [1].

По подсчетам ряда исследователей история разведки разных стран, времен и народов насчитывает больше 33 веков [2].

Познание государства определяется не только статикой, но и его динамикой, т.е. что и как оно делает. По-прежнему сохраняется функциональный подход к деятельной стороне государства, что позволяет более глубоко изучать длительный исторический процесс – эволюцию российского государства и самое главное совершенствование его разнообразных функций. Расширяется и углубляется понимание социального назначения государства. Важно подчеркнуть, что именно общесоциальные функции характеризуют в наибольшей степени деятельную сторону государства. К таким общесоциальным функциям относятся и обеспечение национальной безопасности [3].

Функции государства подвергаются влиянию внешних условий, внешней среды, в которой «живет» и действует государство. С эволюцией государства меняются и направления его деятельности, появляются новые. Появление этих «новых» функций на различных этапах развития государственности конкретного общества не имеет строго определенного причинно-следственного характера [4].

Рассматривая развитие отечественной разведки и этапные периоды в истории русского государства важно подчеркнуть их определенное соответствие от Киевской Руси, Московского Великого княжества и царства до Российской империи. Именно этот период и нашел здесь свое отражение. Как отмечают исследователи, каждый период в развитии российской разведки связан с нарастанием кризисной обстановки, усилением военной опасности вокруг государства [5].

Древняя Русь вела активный сбор информации о соседях, что определялось достаточно сложными отношениями с Византией, Хазарией, угрозой со

стороны Степи, т.е. внешними затруднениями на границах [6]. Это подтверждается, во-первых – «неожиданными» для Константинополя походами 860 г. (865 г.) и 907г. (911 г.), во-вторых, наличием специальной терминологии из письменных источников IX–XV вв. Сбор сведений отражается в глаголах «сглядати», «разглядати», «пытати». Еще в 987 г. При выборе веры князь Владимир требовал высматривать особенности церковной службы основных религий «...и рече Владимир: «Идите... и соглядатайте. ...Они же придоша и сглядаваше церковную службу...». В значении «разведчик» использовались существительные «просок» или прелогатай» - так о событиях зимы 1238г., накануне сражения на р. Сить в Батыево нашествие летопись сообщает: «Князь же Юрьи посла Дороша в просоки в 3000-х мужей» [7]. Объектом сбора сведений были не только войска противника и вся территория, берега рек, броды, скорость течения и качество воды, «дозирати всех мостов и стежек, которые в той земле ведущи были». Здесь использовались паломники и купцы [8].

Информация, собранная посольствами (длительное время дипломатия и разведка шли параллельно) порой была основой для принятия важных стратегических решений – сведения собранные воеводой Родионом Ржешевским «со товарищи» леги в основу для решения о сражении с Мамаем на Куликовом поле (1380 г.).

В целом «первые организационные мероприятия в области разведывательной службы в России как одной из постоянных и систематически осуществляемых функций государственного аппарата... отнесены к периоду создания русского единого государства, со времени правления выдающегося государственного деятеля Великого Московского князя Ивана III» [9].

Дальнейшее развитие разведки также связано с очередными этапами генезиса государственного аппарата и изменений в области внешней политики. Здесь же необходимо отметить, что до начала XX в. В России термин «разведка» и его производные не употреблялись, взамен, к примеру, использовались понятия – «регистрационный», «военная статистика». Органы разведки прикрывались определениями «военно-учетный», «особый», или принадлежностью к квартирмейстерской службе [10].

Рубежным этапом стала подготовка и участие отечественной разведки в столкновении с наполеоновской Францией.

В этих целях новым военным министром М.Б. Барклаем де Толли (с 1810 г.) создан специальный орган для сбора, в первую очередь, стратегической информации – «Особая военная канцелярия военного министра». Необходимо отметить, что в период с 1807–1811 гг. в России шел процесс совершенствования государственного аппарата – министерская реформа. «Канцелярия» координировала деятельность в части сбора информации стратегического, тактического, войскового характера. Ее заслугами (полковники А. Закревский, А. Чернышев), несомненно, стали:

- получение достоверной информации о военном потенциале Франции и планах Наполеона, в т.ч. график передвижения его войск к границам России;
- боевое расписание французской армии;

- создание основы для союзнических отношений со Швецией;

- выявление среди высших государственных чиновников и военных Франции возможных информаторов. Все это в целом, несомненно, облегчило ведение боевых действий в Отечественной войне 1812 г. [11]. Таким образом можно считать основателем российской военной разведки выдающегося военного деятеля России князя Михаила Богдановича Баркляя де Толли.

Серьезным испытанием для отечественной разведки стал не только канун, но и сама русско-японская война 1904-1905 гг. Особенностью периода с одной стороны было понимание высшим руководством необходимости реформирования всего государственного аппарата империи, с другой отсутствие четкой концепции этого. Данная ситуация распространялась и на разведку, особенно на дальневосточном направлении. Не смотря на ряд положительных мер, можно констатировать их явно запоздалый, ограниченный характер:

- так начало особой активности России на Дальнем Востоке можно отнести только к 1895 г.;

- деятельность военных агентов до начала XX вв. подчинялась указаниям дипломатов (инструкция МИД военным агентам от 1880 г.);

- проект положения о военной разведке на Дальнем Востоке (Генерального штаба генерал-майор К.И. Вогак, генерального штаба полковник И.И. Стрельбицкий) от 1903 г. Был принят только в начале войны;

- недостаточное финансирование, безденежье российской разведки в регионе [12].

Неудовлетворительные оценки итогов русско-японской войны 1904-1905 гг., поражение русской армии в сухопутных сражениях, Цусима, итоги Порсмутского мира, дальневосточной политики России в целом коснулась и разведки. «Проглядели подготовку Японии к войне», «...работали бездарно, спустя рукава...», «...не обеспечили необходимыми сведениями действующую армию...» - самые мягкие упреки в адрес разведки [13].

Необходимо отметить, что военная разведка своевременно информировала Николая II, его министров о масштабах, характере, возможности внезапного нападения Японии на Россию.

Военные агенты в Китае, Корее, особенно в Японии с 1902 г. Постоянно информировали Санкт-Петербург о подготовке Японии к войне (Военно-морской агент – лейтенант И. Будиловский информировал – «Благодаря большой готовности японских армий, флоту и транспортных средств отправка даже значительных сил на материк может быть произведена внезапно и не встретить особых затруднений». Капитан-лейтенант М. Русин сообщал «...Смело могу утверждать, что такой серьёзной подготовки на случай близкой войны, не было в течении моего трехлетнего пребывания в Японии») [14].

Кто хотел услышать разведку, тот услышал. Наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. Алексеев на совещаниях 11.01. и 02.02. 1904г., придя к мнению о неизбежности войны, просит Николая II разрешить упреждающий удар, однако ему строго указано не провоцировать Японию.

Дальнейший этап связан с подготовкой России к мировой войне.

В целом необходимо отметить полное соответствие в истории разведки истории российского государства. Как правило, она своевременно информировала Верховную власть о приготовлениях потенциальных противников, об угрозе с того или иного направления.

Примечания:

1. Артхашастра или наука политики. М., 1993; Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972; Книга правителя области Шан. М., 1968; Библия: книги священного Писания Ветхого и Нового завета. М., 1993; Макиавелли Н. Государь. М., 1990; Сунн-Цзы. Искусство войны. М., 1978.

2. Алексеев М. Военная разведка России. М., 1998, с.4; Marder K. Die Weltgeheimdienstes in Aktion: Entwicklung und System. Berlin, 2001, s. 41; Серебрякова Е. Тайная война до рождения Христа // Независимое военное обозрение (далее НВО), 2002. № 43.

3. Клепцова Т.Н. Бюрократия и функции государства. М., 2005, С. 38; Марченко М.Н. проблемы теории государства и права. М., 2002. С. 57; Морозова А.А. Функции российского государства на современном этапе. М., 2003. С. 63.

4. Морозова А.А. Указ. соч. С. 76.

5. Алексеев М. Указ. соч., с. 24; Модестов С. Летопись Отечественной разведки. НВО., 1999, № 4; Очерки истории российской внешней разведки // Под ред. Е Примакова. М., 1995. В 6 т. Т. I .

6. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967, С. 80-81; Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. I. М., 1993. С. 134, 135, 138-140.

7. Повесть временных лет (ПВЛ) Изборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 66, 67. Никоновская летопись. М., 1972. с. 56.

8. Хождение игумена Даниила в Святую землю. Хождение митрополита Пимена. Хождение за три моря Афансия Никитина. Древнерусские повести. М., 1989.

9. Алексеев М. Указ. соч. С. 42.

10. Алексеев М. Лексика русской разведки. М., 1995. С. 182.

11. Лебедев В. Российская военная разведка в Отечественной войне 1812 г. НВО, 2002. № 14.

12. Лебедев В. Разведка виновнее менее всех... НВО, 2001. № 42.

13. Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6; Добычина Е. Русская разведка против самураев. НВО, № 14; Лебедев В. Указ. соч.

14. Алексеев М. Указ. соч. С. 197-201.